

УДК 94 (4)

**СТЕРЕОТИП «ВЕСЕЛОГО ПОЛЯКА»
В ОПИСАНИЯХ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И РОМАНТИЗМА**

© 2011 г.

М.В. Лескинен

Институт славяноведения РАН

marles@zmail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2011

Рассмотрены описания польского национального характера (нрава) в польской и западноевропейской историографии эпохи Просвещения и Романтизма (до середины XIX в.). Важное место в перечне этноотличительных качеств поляков занимали свойства темперамента, которыми объясняли национальные особенности политического устройства, социального и бытового поведения. Они трактовались как архаические славянские черты, сохранившиеся у поляков в неизменности и «чистоте».

Ключевые слова: народоописание, этничность, авто- и гетеростереотип поляка, историография Просвещения и Романтизма, славистика.

Наиболее частотными характеристиками в российских этнографических описаниях народов Российской империи во второй половине XIX в. становятся особенности нрава – главным образом это определения эмоциональной природы народа, его темперамента. Характеристики поляков в научных и популярных народоведческих очерках и сочинениях этого времени демонстрируют высокую степень однородности. Поляк предстает в них как веселый, живой и вспыльчивый, подверженный влиянию страстей, руководствующийся чувствами, а не разумом – такие свойства по количеству и значимости бесспорно доминируют, а также наделяются статусом «главных» польских этнических качеств. Именно темперамент оказывается общим внесловным и национально-типическим (он приписывается всем основным сословиям и «отраслям», т. е. региональным этническим группам) признаком польского народа. Функционирование этих определений и их место в характеристиках польского этноса позволяют утверждать, что такие представления являются стереотипными [1, гл. 7–1]. Рассмотрим, когда и при каких обстоятельствах возникает данный этностереотип в европейской и российской научной литературе.

Отличительные приметы польского характера в нравоописаниях XVII–XIX вв. упоминались как в польских разножанровых нарративах (хрониках, эго-документах, публицистике, литературе), так и в географо-этнографических сочинениях о народах Европы, принадлежавших

перу иностранных путешественников, наблюдателей, ученых. В период расцвета идеологии и культуры сарматизма (XVI–XVII вв.), когда под политическим народом-нацией подразумевались представители главного привилегированного сословия Речи Посполитой – шляхты, мотив свободы («золотой вольности», под которой понимались сословные привилегии дворянства) в сочетании с «веселостью» являлся весьма устойчивым клише, призванным обозначить своеобразие и политического народа, и польской нации [2]. Этноспецифические качества поляков в их самоописаниях оценивались по-разному, но так или иначе в них содержались определения, связанные с темпераментом: эмоциональность, страстность, необузданность; безудержное стремление к свободе, открытость, простота, пылкость, воинственность, сердечность, несдержанность и др.

Поскольку характеристика темперамента и поведения являлась обязательной частью всяких описаний «быта и нравов» («нравов и обычаев») в европейской литературе путешествий XVI–XVIII вв., отличительные черты польской шляхты были хорошо известны в Европе; они фиксировались и в популярных начиная с эпохи Возрождения сочинениях, представлявших облик европейских и соседних народов [3, с. 149–186]. Эмоциональность и горячность выступали в этих текстах как врожденные польские свойства и устойчивая примета «польскости». Веселость, открытость и страстность трактовались в них двояко. Характерным примером позитивно-

го восприятия может служить мнение француза Г. де Боплана (середина XVII в.), отмечавшего сходство поляков с французами «в нравах и наклонностях», в частности – «в открытом и свободном темпераменте (*naturel*), который позволяет им смеяться и петь без какой бы то ни было меланхолии» [4, с. 347]. Однако эти же свойства в своем крайнем проявлении некоторыми оценивались иначе, как отсутствие у польских дворян сдержанности и учтивости в привычных для европейских дворян XVII в. формах поведения, и осуждалось, интерпретируясь как проявление «неевропейскости» [5]. Так, в известной книге Ж. Баркляя «О национальных характерах» или «Образе характеров» (1614) польский нрав получил крайне отрицательную оценку: особенность поведения определялась в целом как «грубость нравов», хотя и оправдывались «суровым климатом» [6, с. 4].

Доказательства славянского происхождения поляков, функционировавшие в качестве значимого элемента сарматской мифологии, начиная с середины XVIII в. стремились вписаться в новую, более аргументированную и рациональную систему представлений. Образованным европейцам того времени было свойственно соединять историко-этнографические изыскания (даже самого поверхностного уровня) с современным состоянием народов и государств региона Восточной Европы [7]. Следствием отождествления античных реалий с нововременными стало то, что черты древних варварских народов легко и априори «обнаруживались» в их разноплеменных потомках, вполне подтверждая усвоенное Просвещением противопоставление варварства и цивилизации. Обращение к прошлому должно было подтвердить кардинальное несходство быта и нравов германцев и варваров, чтобы найти и объяснить истоки современных различий в их политическом и социальном устройстве.

На основании сведений античных источников европейские ученые приписывали славянам противоречивые черты облика и нрава: нечистоплотность, леность, отсутствие развитых социальных институтов, а также целомудрие, гостеприимство и терпение. Отличительными качествами славян считались жестокость и полное отсутствие военной и политической организации [7; с. 423]. К.Г. Антон одним из первых в XVIII в. обратил внимание на их «веселый, музыкальный нрав» [8; с. 4–5]. Определение «веселый» по отношению к славянам – весьма употребительное в описаниях славянских народов эпохи Просвещения. Предполагается, что источником сведений об этой особенности нра-

ва/темперамента стало латинское выражение «*sclavus saltans*» [8, с. 52; 9, с. 429], которое переводилось по-разному: и «танцующий невольник», и «прыгающий раб» («*sclavus*» имело также значение «славянин») [10, с. 97–107].

И.Г. Гердер, отмечая качества, присущие славянам как земледельческим народам (щедрость, гостеприимство «до расточительства», покорность и послушание), также подчеркивал «музыкальность» славян («сажали плодовые деревья и, как того требовал их характер, вели веселую, музыкальную жизнь») [11, с. 470]. Но неудачное, как считал он, соседство с немцами и восточными татарами привело их к историческим «несчастьям», поскольку из-за привязанности к домашней жизни они «не смогли установить долговечного военного строя» и потому не в состоянии были оказать сопротивления агрессивным соседям. Главным поработителем славян Гердер считал германцев. Подчинение им сформировало новые черты: из кротких они превратились в хитрых, коварных и склонных к подчинению («коварная и жестокая леность раба») [11, с. 470–471].

В гердеровской характеристике славян, таким образом, содержались три важнейших для славистики последующего столетия идеи: 1) возможность рассматривать состояние их древнего «общественного быта» в исторической преемственности «склонностей» в качестве источника дальнейшего развития форм политического устройства и государственности; 2) трактовка славянско-германских отношений в древности как порабощение слабо организованного племени более сильным и агрессивным; 3) определение различий этнических (племенных) характеров германцев и славян через оппозицию воинственный/мирный.

Польские философы и политические деятели Просвещения также интересовались славянской историей в контексте определения начал польской самобытности. Черты славянского нрава стремились не только обнаружить в польском характере, но и связать национальное своеобразие именно со славянским происхождением. Сам способ обоснования этой связи был вполне традиционным. Еще в XVI в. польский историк М. Бельский утверждал, что «именно мы и есть сарматы... и поэтому все то, что о сарматах писали, правильно считать написанным о предках наших» [12, с. 335]; теперь в этой формуле произошла замена: место сарматов заняли славяне. В принципе, черты древних славян (в двух его ипостасях – жестокого воина и «кроткого» пахаря) при желании можно было легко обнаружить не только в национальных внесловных

свойствах, но и в польских шляхетских качествах. Это облегчалось детально разработанными в сарматской идеологии образцами «истинного сармата-шляхтича», функционировавшими в образах воинственного рыцаря-воина и миролюбивого помещика-земледела [2, с. 39–68].

Историография Просвещения задала, таким образом, несколько тенденций в интерпретации славянского (и польского) нрава. Одна из них рассматривала славянскую и германскую «стихии» как две разнонаправленные силы в европейской истории, приписывая этим народам разные природные склонности, моральные качества и обусловленные ими формы самоорганизации. Это направление развили позже романтики; на сопоставлении национального Духа народов построены главные идеи романтической историографии. Вторая тенденция нашла выражение в описаниях славянского племенного характера, в котором можно обнаружить – в зависимости от главенствующих концепций – набор как патриархальных добродетелей земледельцев-варваров, так и пороков воинственных разрушителей цивилизации. Представление о славянском темпераменте и эмоциональности (веселость, открытость, легкомыслие) воплощалось в понятиях географического детерминизма, объяснялось благоприятными для земледелия природными условиями. Эти описания характера в полной мере отразились в славистических исследованиях XIX в. – как в славянской, так и в западноевропейской историографии.

Польские просветители сформировали свой, национальный вариант «характерологии» – учения о национальных характерах. Детальная разработка комплекса черт польского народа, отождествлявшегося с народом политическим, продолжала сарматские традиции, но просветителей интересовало соотношение нрава и общественного устройства, поэтому вопрос об упадке польского государства трактовался в контексте рассуждений о традиционности, органичности политического строя. После разделов Речи Посполитой польский национальный характер был переосмыслен: «черты польского характера стали рассматриваться теперь через призму новой категории – *narodowości*. Это подразумевало оригинальность, неизменность, независимость от исторических коллизий и внешних воздействий»; национальный характер считался самой существенной составляющей формирующейся концепции *narodowości*» [13, с. 101]. Придание ему статуса внеисторической константы и закономерная в период утраты государственности идеализация народа привели к стремлению вновь обратиться к славянской ис-

тории с целью обнаружить польские специфические черты на самой ранней их стадии.

Осмысление гердеровского наследия в эпоху романтизма привело к своеобразной перекодировке тезиса о славянстве и германстве как двух противоположностях: он стал восприниматься в контексте гегелевской философии – с его акцентом на противопоставлении «авангардных» в историческом отношении народов (германцев-немцев) и «неисторических» (славян). Так сравнение двух этнонациональных стихий на примере племенных сообществ из задачи выявления культурной самобытности преобразовалось в основание цивилизационной классификации. «Веселость» славян вписывалась теперь в общий перечень патриархальных добродетелей, которые также можно было «использовать» как для объяснения врожденного легкомыслия и отсутствия общественной самоорганизации (повлекшего за собой завоевание их более «жесткими» народами и породившего иные формы «общинного быта»), так и для обоснования глубинных различий между германским и славянским «мирами» как старым и молодым народами.

Противопоставление в категориях молодой/старый (причем именно молодость наделялась «всеми ценностными смыслами эпохи») [14, с. 53] получило яркое воплощение у романтиков, для которых идея роста и развития стала центральной, так как рассматривалась в контексте теории эволюции. Проблема славянского характера привлекала к себе пристальное внимание в польской литературе и в историографии начала XIX в. [15]. Это было связано как с политической ситуацией, так и с общими для романтизма в целом поисками древних корней национальных культур, которые, как казалось, и обусловили современные отличительные черты разных народов, своеобразие их «физиономий». Гердеровская оппозиция мирный земледелец/кроважидный покоритель прочитывалась в категориях цивилизованности/нецивилизованности с точки зрения морального совершенства славян на стадии «детства».

В первой трети XIX в. славистические изыскания были вписаны в контекст исследований о прошлом польского народа в целом (т. е. не только дворянского сословия, которое, как полагали некоторые просветители, узурпировало право именоваться народом [16, с. 136–156]). Они переплетались с выяснением причин слабостью государственности и разделов Речи Посполитой. Однако набор уже известных славянских черт, из которых «выбирались» качества, присущие полякам в большей степени, оставался неизменным [17].

Стандартный комплекс патриархальных качеств земледельческих племен в начале XIX столетия рассматривался как вполне сохранившийся в польском характере. Но если Ю. Немцевич, например, приписывал их только сельскому славянскому населению (предкам польских крестьян), а к общенациональным негативным свойствам относил леность, страсть к роскоши и развлечениям, порывистость и обидчивость [18, с. 449–450], то К. Бродзинский, напротив, распространил позитивные свойства на все сословия. Особенно подчеркивалась любовь к поэзии и музыке как приметы неагрессивности и добродушия. Однако, связывая характер с природой, он настаивал на том, что «в сердцах поляков нет великих страстей»: ведь в его видении славяне – кроткие «дети». В других описаниях этого времени поляки могли, напротив, наделяться «сильными и страстными порывами сердца» или «благородной суровостью» в том случае, когда актуализировались их более «зрелые» свойства [13, с. 104–105]. Вопрос о польской страстности, как видим, не был праздным – он так или иначе вписывался в контекст размышлений о природно-климатической обусловленности нрава, задающей параметры национального развития. И в этом отношении указанные противоречия были очевидны: как уже указывалось, для центральноевропейских народов поляки были жителями севера – с приписываемыми им свойствами иного темперамента (сдержанность, постоянство, мужество), в то время как акцент на их врожденных славянских особенностях «требовал» обнаружить в них эмоциональность.

Польские историки 1830–1840-х гг., обращаясь к древней истории славянства для выявления польского «национального духа» – главной категории романтизма, – стремились найти его во всех проявлениях культуры – в языке, поэзии, праве, общественных институтах. Понимаемая двояко – как «духовная деятельность народа, развитие его национального сознания», и в метафизическом значении, – категория духа во многом определила концепции польской и российской историографии эпохи. Осмысление национальной самобытности в этом контексте несколько видоизменило трактовку этнокультурного своеобразия польского нрава, поскольку было дополнено детализацией более раннего представления о противодействии славянского и германского начал. И М. Мохнацкий, и И. Лелевель, рассматривая историю Польши с точки зрения кристаллизации духа народа, использовали «теорию завоевания», согласно которой поляки утратили прежние свои славян-

ские черты из-за отрицательного воздействия западной цивилизации через церковные и политические институты [19, р. 46–52].

Рассмотрение польской шляхты с точки зрения врожденных и благоприобретенных негативных качеств в свете изучения славянства приводило к необходимости разрешить вопрос о степени «славянскости» современного польского народа. Один из первых польских славистов – В. Суroveцкий в «Исследовании начала народов славянских» (1824) разделял мнение Гердера о «свободном и независимом» славянском народе, обладавшем добродетелями земледельца, но не различал в нации два сословия. Суroveцкий также выделял склонность славян к музыке и веселью, остроумие и общительность [8, с. 27–29].

Противоречивость некоторых утверждений об отличительных чертах нрава, однако, можно считать лишь формальной. Более правомерным представляется заключение, что романтическая историография Польши в первой трети столетия разработала основы польской характерологии, создав из известных славянских черт набор специфически польских качеств. Они стали своеобразными константами для всех последующих теоретических построений о национальных польских свойствах и о «чистоте» славянского типа, сохраняющегося в своей полноте лишь у одних поляков. Так, у К. Бродзинского получила воплощение идея, которая легла в основу польского мессианизма в его обновленном облике: польский народ был призван встать во главе славянского племени как максимально воплощающий главные начала славянского духа и характера [13].

Перечень своеобразных польских черт являл собой набор автостереотипов – т.е. содержал в себе не столько однозначные добродетели и пороки, сколько качества, которые при желании можно было наделять отрицательными или положительными оценками или вообще исключить из списка типичных свойств. Это касалось как элементов «общественного или юридического быта», так и свойств нрава – веселости и страстности, «пылкости сердца». Их могли признавать или, напротив, исключать, но они непременно фигурировали в качестве потенциально типичных этнических особенностей.

Явственным влиянием идей И. Лелевеля и К. Бродзинского пронизаны получившие наибольшую известность, популярные и в Европе, и в России размышления о характере славян (и поляков в частности), изложенные А. Мицкевичем в его «Лекциях по славянской литературе», которые стали своеобразной эн-

циклопедией славянства; в ней Мицкевич описал отличительные особенности польского народа. «Неупорядоченность и податливость» славян, – как он утверждал, – является плодом развития в них интуиции и духа – в отличие от европейских народов, у которых господствует разумное начало, оформляющее себя в «жестких и неизменных системах» [20, с. 45–46]. Поэтому практичные европейцы на протяжении веков не только уничтожали самобытность и государственность славян, но и стремились лишить их истории. Дух объявлялся Мицкевичем «насквозь славянским понятием»: этим «божественным инстинктом наделяны славяне в большей степени», нежели другие народы. Он формируется в сражениях, в изгнании, в неволе, поэтому они менее других склонны к практицизму, лишены интереса к общественной и политической жизни. Поэт отмечал еще два важных свойства славян, относящихся к психической сфере и являющихся естественным следствием их природного нрава и выработанной в результате внешнего давления неустойчивости: пассивность и экзальтированность [21, с. 512–513]. Для Мицкевича пассивность (прежняя славянская кротость) – исключительно негативное свойство, которое ассоциируется с рабской покорностью, однако в сочетании с мощным духом пассивность переосмысливается и становится позитивной чертой: ведь духовные интересы и устремления несовместимы с пристальным вниманием и заботой о сиюминутном, прагматическом. Поэт стремился увидеть в славянской пассивности не проявление подчинения и слабости, а доказательство внутренней силы, скрытой до времени воли.

Вторая черта – экзальтированность – также порождена тягой к духовному. Восторг, которым сопровождается размышление о высоком и божественном – признак экзальтации – есть одно из главных свойств славянина и поляка в частности. Эта страстность проявляется сильнее всего в их горячей привязанности к родине; хотя они равнодушны к общественной жизни и покорны судьбе, когда свобода отчизны находится под угрозой, они готовы на любые жертвы и действия, движимые этой пылкостью [21, с. 512].

Страстность или «безудержность» занимали значимое место в романтическом идеале в целом; они были призваны обозначить исключительность романтика, его конфликт с миром, который он не принимает, а также подчеркнуть принцип отчуждения – основополагающий в поэтике романтизма [14]. Соединение свободолюбия и страстности, в российских описаниях

второй половины столетия отлившихся в формуле «горячий патриотизм поляков», связан именно с таким – романтическим – пониманием отношений человека с миром. «На самом деле борьба за свободу – это тоже неприятие мира, того порядка, который в нем установлен, только выражается оно в активной форме»; и в творчестве, и в жизни он подчиняется фантазии и воображению, а не правилам [20, с. 48]. Свобода и воображение (все то же господство чувств над разумом) противятся правилам всякого рода (рациональному началу).

Таким образом, Мицкевич использовал противопоставление социально-психологических параметров германского и славянского начал (стихий), «предлагаемых» просвещенческой доктриной для создания не только идеального поляка-славянина, но в первую очередь идеального героя-патриота – в том его облике воплощенного национального духа, которую создал романтизм. Степень воздействия и область функционирования этой, как и подобных национально-мифологических конструкций в целом, при определенных условиях позволяет подобным образом легко вписываться в иные исторические и этнические обстоятельства. И тогда происхождение может забываться, а формы воплощения – казаться новыми и актуальными. Между тем поляк в мицкевической романтической ипостаси, как видим, пережил время и, не всегда замечаемый в своем происхождении, оставался частью польского автостереотипа вплоть до XX в.

Так Мицкевич разрабатывал концепцию польского характера, в которой прежние славянские черты – миролюбие, веселость и «свирепость» – преобразились в пассивность как созерцательность, страстность и духовную экзальтацию, а противопоставление германского практицизма славянскому легкомыслию, выработанное ранее, – в идею господства души (сердца) над разумом. Именно этот портрет поляка был воспринят французской и российской историографией второй половины XIX столетия. Впрочем, такое содержание дихотомии восходило к представлению о главных типологических отличиях германских и славянских племен, и в этом виде его разделяли не только польские и русские, но и чешские, например, исследователи: «в европейском организме славяне, взятые в совокупности, занимают место сердца, а германский народ место головы, и потому обе эти народности относятся друг к другу как чувство и мысль» [цит. по: 22, с. 155].

Весьма значимым элементом концепции Мицкевича, которую редко замечают исследова-

тели «Лекций», следует назвать объединение двух обозначенных выше тенденций описания поляков (в позитивном и негативном ключе), которые сложились в предшествующей ему историографии. В одной из лекций поэт поочередно излагал аргументы сторонников двух противоположных представлений о славянах, чтобы показать, что все эти якобы несхожие свойства являются лишь разными оценками одних и тех же качеств, легко взаимозаменяемых при различных исторических и психологических условиях, – интерпретация, таким образом, зависит от ситуации. Иллюстрацией такой гибкости черт славянского характера, как представляется, может служить сравнение Мицкевичем поляков и русских, которые, как утверждал он, на этапе единой славянской общности обладали одинаковыми чертами, но в ходе исторического развития все более разнились. Главным источником такого резкого различия стало, как полагал поэт, смешение славянской крови с финской и монгольской в русском племени. Мицкевич одним из первых попытался разделить врожденные и приобретенные качества народа, а также основную и привнесенную этнические составляющие. Для него, как и для всех романтиков, было бесспорно, что черты нрава обусловлены генетически, связаны с антропологическим началом.

Мицкевич осуществил своеобразный синтез трех основных разновидностей описаний племенного славянского характера: 1) его положительной ипостаси мирного и податливого в своей кротости труженика-земледельца, обладавшего многими добродетелями еще до принятия христианства, но равнодушного к политическим формам консолидации; 2) отрицательного образа воинственного и жестокого варвара (от природы или под влиянием вторжения чуждой цивилизации), а также 3) носителя не выработанного, а природно-обусловленного пылкого темперамента. Одним из типично славянских польских свойств, высоко ценимых им, Мицкевич считал именно «веселость», которой, как он полагал, наделены были поляки сарматской эпохи. «Веселость» сарматов он понимал как одну из добродетелей человека мужественного и достойного уважения (*virtu*): он шутит в опасности, перед смертью, наслаждается жизнью накануне гибели. Поэт привносил в нее «оттенок значения английского слова *humour*», в котором важна была склонность, рожденная климатом и породой [23]. Автостереотип веселого поляка получал в интерпретации поэта иное наполнение: в нем акцентирована истинная причина веселости – мужество и стойкость, сила духа – как врожденные национальные склонности.

Характеристика Мицкевича, без сомнения, оказала определяющее влияние на описание нравов европейскими славистами (в частности, французскими) и историками славянских стран, российскими в том числе. Причем не только поляков, но и славян в целом – их природных способностей и исторических традиций. Проницательное замечание поэта о том, что в различных исторических обстоятельствах актуализируются различные свойства народного характера, не получило, однако, развития в характерологических учениях.

Попытки связать воедино черты романтического представления о славянском характере с идеей славянского единства нашли отражение в работе польского историка-правоведа В.А. Мацеёвского, оказавшей значительное влияние на российское славяноведение и полониистику [24]. Мацеёвский придавал большее значение природным, а не историческим обстоятельствам формирования славян [24, с. 80–81]. Реконструкция славянского нрава осуществлялась им через традиционное уже противопоставление славян и немцев (германцев). Критерии сравнения – это черты темперамента (склонность к радости, веселью у славян и к грусти – у немцев), преобладание духа практицизма/мечтательности (стремление славян «жить одним днем», не заботясь о грядущем, и озабоченность немцев будущим благодеянием), соотношение чувства (зов сердца) и разума как примет, соответственно, юности и зрелости. Если «характер немцев принял окончательный вид, то наш только развивается». Проявлением этой особенности автор считает свободолюбие славян и их веселость, любовь к музыке. Так снова соплагаются веселость и свободолюбие, но теперь – под влиянием романтических самоописаний – к ним добавлена (как очевидное славянское достоинство) власть чувства над рациональным началом.

К середине столетия и в польской, и в западноевропейской, и в российской научной литературе складывается не только конкретный набор стереотипов типичного поляка как шляхтича, но и набор черт и определений его характера, выступающих как в комплексе, так и легко взаимозаменяемых. Среди них выделяются следующие группы: свойства темперамента, психический склад и моральные качества, являющиеся их следствием. Это: 1) страстность, пылкость, веселость, любовь к удовольствиям, восторженность, воодушевленность; 2) увлеченность, порывы, непостоянство; 3) уступчивость, легкомыслие, безответственность, анархия [25].

Итак, основные польские романтические автостереотипы (в том числе и касающиеся врожденных особенностей польского темперамента) были усвоены в других странах, в том числе и в России. Под польским народом-этносом в непольской историографии подразумевалось, как правило, единственное сословие – шляхта; сословные, этнические и национальные свойства, таким образом, отождествлялись. Польское крестьянство не рассматривалось в качестве носителя типичных этнических признаков.

Таким образом, польская наука и публицистика XVII–XVIII вв. выработала набор черт польского характера и создала основные концепции их формирования, оказавшие воздействие на представление о поляках в европейских странах. Основные особенности характера в XIX в. осмыслились главным образом в связи с разработкой ключевых понятий романтической историографии – «народ», «дух народа», «национальность». Общим в этих характеристиках было отождествление польского народа с рыцарским сословием и убежденность в причинно-следственной взаимосвязи шляхетского характера с политическим строем Речи Посполитой [26].

Набор характерных польских свойств был усвоен и воспроизводился без изменений (с вариациями в оценках) учеными и публицистами Европы и России [25; 27]. Разночтения касались лишь вопроса о том, «были ли это привитые воспитанием нравы или нечто такое, что находится в крови народа» [27, с. 128]. Реконструируя этнические качества по материалам историописаний, фольклора, литературы и законодательств, прибегая к достижениям специальных дисциплин (антропологии, археологии, этнографии), исследователи польской этничности не ставили под сомнение принципы их обнаружения: историческую преемственность и внешние сферы проявления. Собранный и аргументированный к середине XIX века комплекс национальных польских качеств, оценивавшихся по-разному, так или иначе восходил к ранним польским самоописаниям и национальным автостереотипам.

Список литературы

1. Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.
2. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой (конец XVI – середина XVII в.). М., 2002.
3. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об эт-

нической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.

4. Боплан Г. Де. Описание Украины / Пер. с франц. З.П. Борисюк, ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2004.

5. Лескинен М.В. Польский традиционализм и «старопольская» культура. Об интерпретации сарматских обычаев // В сб.: Между Москвой, Варшавой и Киевом. Сборник статей к 50-летию проф. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 194–216.

6. Opaliński L. Obrona Polski. Lwów–Warszawa, 1921.

7. Вульф В. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании людей Просвещения. М., 2003.

8. Собестианский И.М. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков, 1892.

9. Шафарик П.И. Славянские древности. В 2 т. СПб., 1837–1848. Т. 1. СПб., 1837.

10. Wierzbicki A. Naryd – Państwo w polskiej myśli historycznej dwudziestolecia międzywojennego. Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1978. S. 97–107.

11. Гердер И.Г. Книга шестнадцатая. Гл. 4. Славянские народы // Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

12. Bielski M. Kronika Polska. Kraków, 1564.

13. Филатова Н.М. От Просвещения к романтизму. Исторический лексикон Казимежа Бродзинского. М., 2004.

14. Софронова Л.А. Принципы отчуждения романтического героя // В сб.: Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры. М., 2008. С. 46–60.

15. Bartkiewicz K. Obraz dziejów ojczystych w świadomości historycznej w Polsce doby Oświecenia. Poznań, 1979.

16. Kurczewska J. Naryd w sociologii i ideologii polskiej. Warszawa, 1979.

17. Pierog St. Three conception of nation in polish philosophical thought in the post-partition period // В сб.: The national idea as a research problem. Warszawa, 2002. P. 60–67.

18. Serejski M. Przyczynek do dziejów charakterologii narodowej w polskiej historiografii // Serejski M. Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970. S. 449–450.

19. Kizwalter T. National historiography and its ideological conditions (XIX–XX cent.) // В сб.: The national idea as a research problem. Warszawa, 2002. P. 46–52.

20. Рудас-Гродзка М. Поработенное славянство // В сб.: Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007. С. 43–57.

21. Софронова Л.А. Автопортрет славянина по Мицкевичу // Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 495–496.

22. Щапов А.П. Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа // Отечественные записки. 1870. № 3. Отдел 1. С. 149–202.

23. Siwicka D. Czy Mickiewicz umierał wesoły // В сб.: Śmierć Mickiewicza. Teksty i rozmowy w Roku

Mickiewiczowski 2005. Warszawa, 2008. S. 194–199.

24. Мацеёвский В.А. История славянских законодательств. В 2 т. М., 1858–1860. Т. 1. М., 1858.

25. Serejski M. Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970.

26. Wierzbicki A. National Characterology in Polish historical and political thought (late XVIII – early XX-th century) // В сб.: The national idea as a research problem. Warszawa, 2002. P. 75–88.

27. Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888.

STEREOTYPE OF A «JOYFUL POLE» IN THE DESCRIPTIONS OF THE POLISH NATIONAL CHARACTER DURING THE ENLIGHTENMENT AND ROMANTICISM

M.V. Leskinen

The article deals with the description of the Polish national character in the Polish and West European historiography of the Enlightenment and Romanticism (until mid-19th century). A prominent place in the list of specific Polish ethnic qualities was occupied by the properties of temperament, which explained the national peculiarities of the political system, social behavior and customs. They were regarded as archaic Slavic features preserved by the Poles in their unaltered state and «purity».

Keywords: ethnography, ethnicity, auto- and heterostereotypes of Poles, historiography of the Enlightenment and Romanticism, Slavic studies.